

DOI: [10.17805/ggz.2020.4.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.4.2)

**Расширенное, отсутствующее, универсальное тело и
две программы нейроэтики***

С. Ю. Шевченко

Институт философии РАН;

*Российский национальный исследовательский медицинский университет
имени Н. И. Пирогова, г. Москва*

*В статье рассматриваются четыре подхода к концептуализации телесности и их роли в контексте прагматистской и феноменологических программ нейроэтики. Четыре подхода, получившие изначальное развитие в когнитивных науках (*extended, embedded, embodied* и *enactive / enacted cognition*) принято объединять акронимом 4E. Однако среди философов и нейрокогнитивных исследователей существуют разногласия во взглядах на внутренние взаимоотношения этих подходов и на их применение в нейроэтике. Будучи по-разному усвоены в контексте описания, моделирования, инжиниринга и оценки нейронных процессов и нейротехнологий, применение 4E-подходов привело к концептуализации тела как расширенного, отсутствующего и универсального. Универсальное тело может пониматься как всеобщий источник важных аспектов семантики естественных языков, как то, что формирует выраженный опыт познания. Отсутствующее тело — как правильно работающий инструмент, концептуализации которого можно избежать. Расширенное тело — как носитель расширенного познания, набор физических возможностей, обуславливающих когнитивное расширение. В конце статьи вводится понятие расширяемого тела как концептуально связанного с возможностью осуществления когнитивной автономии.*

*В качестве промежуточного вывода, предназначенного для дальнейшего обсуждения, предлагается следующий тезис: феноменологические и функционалистские подходы к оценке нейротехнологий рассматривают тело как расширяемое (с позиций *enacted cognition*). Критика социального конструирования тела и его когнитивных ролей (с позиций *embodied cognition*) отталкивается от разделений, вносимых в концепт универсального тела.*

Ключевые слова: тело; телесность; нейроэтика; 4E-подходы; прагматизм; феноменология

* Исследование выполнено при финансовой поддержке [РФФИ](#) в рамках научного проекта № 18-011-00917.

The research was conducted with financial support from the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the project No. 18-011-00917.

Extended, Absent, Universal Body and Two Programs of Neuroethics

S. Yu. Shevchenko

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences;
Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow*

The article examines four lines of conceptualization of corporeality and their role in the context of the pragmatist and phenomenological programs of neuroethics. These four approaches (extended, embedded, embodied, and enactive / enacted cognition) were originally developed in the cognitive sciences, and now they are usually combined under the acronym 4E. However, there is a disagreement among philosophers and neurocognitive researchers about the internal relationship of these approaches and their application in neuroethics. These approaches were differently assimilated in the context of describing, modeling, engineering and evaluating neural processes and neurotechnologies, and this led to the conceptualization of the body as an extended, absent and universal. The universal body can be understood as a common source of important aspects of the semantics of natural languages, as well as something that forms the represented experience of cognition. The absent body is like a properly working tool, the conceptualization of which can be avoided. The expanded body is a carrier of expanded cognition, a set of physical capabilities that cause cognitive expansions. At the end of the article, we also introduce the concept of an extendable body related to the agent's ability to exercise cognitive autonomy.

As an intermediate conclusion for further discussion, the following thesis is proposed: Phenomenological and functionalist approaches to the assessment of neurotechnologies consider the body as extendable (from the standpoint of enacted cognition). Criticism of the social construction of the body and its cognitive roles (in terms of embodied cognition) is based on the divisions regarding the concept of a universal body.

Keywords: body; corporeality; neuroethics; 4E-approaches; pragmatism; phenomenology

ВВЕДЕНИЕ

В последние 10–15 лет поворот к телесности последовательно осуществлялся в когнитивных исследованиях, затем в нейронауках, и совсем недавно нашел отражение в нейроэтике. Роли тела в осуществлении нейронных функций и интеграция нейроинтерфейсов в телесную схему человека могут мыслиться по-разному. Наибольшее влияние на нейроэтику оказали четыре подхода к концептуализации этих проблем. Разное понимание этих подходов и

различные способы их применения, казалось бы, способны увеличить дистанцию между феноменологической и прагматистской программами нейроэтики. Первая ориентируется на опыт живого тела, вторая склонна рассуждать о теле и нейронных процессах в функционалистском ключе. Однако мы постараемся показать, что различия подходов к телу, заимствованное из когнитивных наук, и сама разница феноменологических и прагматистских программ нейроэтики нивелируются в контексте решения проектных задач этического и гуманитарного сопровождения нейротехнологий. Это происходит благодаря тому, что тело и когнитивная сфера человека видятся как способные к расширению, но при этом обладающие агентностью в особом смысле.

Это сближение происходит несмотря на то, что углы зрения на проблему телесности в нейрокогнитивных науках довольно многообразны. Тело может рассматриваться как часть материального и социального контекстов мышления, как физическое «расширение» разума и как своеобразный набор «слотов», разъемов для «подключения» технологических расширений к телу. В следующем разделе мы рассмотрим таксономию подходов к телу в когнитивных исследованиях. Затем обратимся к проблеме телесности в когнитивной нейронауке, остановившись на следующей проблеме: что добавляет и что убавляет в концептуализации телесности рассмотрение когнитивных проблем в плоскости нейронных процессов? После этого будут в сжатом виде раскрыты понятия «расширенное тело», «отсутствующее тело» и «универсальное тело», обозначающие два связанных подхода к человеческой телесности в нейроэтике. В заключительном разделе эти понятия будут рассмотрены в контексте прагматических, феноменологических и критических линий развития нейроэтики.

СОЗНАНИЕ, ТЕЛО И СРЕДА:

ТАКСОНОМИЯ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ

Тема телесности уже около трех десятилетий является одной из магистральных для когнитивных наук. Проблема воплощенного сознания дала название уважаемому направлению когнитивных и психологических исследований (Varela, Thompson, Rosch, 1991; Anderson, 2003). Его появление часто рассматривается как ответ на господство в этом дисциплинарном поле компьютерной метафоры человеческого сознания. Однако сам по себе образ компьютера позволяет расширять понимание «аппаратных средств» за пределы черепной коробки (Wilson, 1994).

Впрочем, внимание к телесности обозначило сразу несколько выходов за пределы узко трактуемой компьютерной метафоры. Т. е. «когнитивные

роли»¹ тела могут быть описаны по-разному. Получившая довольно широкую известность классификация этих ролей была предложена в рамках обсуждения одной из классических проблем нейроэтики — синдрома запертого человека². Развитие различных нейроинтерфейсов способно упростить коммуникацию с пациентами, находящимися в запертом состоянии. Но их разработка и применение ставят очевидную этическую проблему автономии «запертого человека». Ведь возможности выражения его воли могут быть ограничены из-за специфики нейротехнологий, применяемых для общения и реабилитации.

Для решения этой проблемы было предложено обратиться к употребляемому в аналитической философии понятию «расширенного ума» (*extended mind*) как к концептуальной рамке, позволяющей рассматривать эти устройства в качестве внешних протезов «когнитивных функций» (Fenton, Alpert, 2008). Упрощенно говоря, устройство, считывающее нейронные процессы и выражающее их в доступной для окружающих форме, рассматривается как аналог записной книжки, в которой забывчивый человек фиксирует важные сведения и благодаря которой он оказывается компетентным источником знания-свидетельства.

С. Вальтер, когнитивный исследователь из Германии, критически отнесся к такому концептуальному переносу (Walter, 2009). Он отметил, что авторы смешивают сразу несколько типов материального расширения сознания и предложил их классификацию. С одной стороны, она нередко используется в нейроэтике и когнитивных исследованиях, а с другой — многие представители этих дисциплинарных полей стали уместать все выделенные им типы «расширения» в акроним 4E (*extended, embedded, embodied, and enactive / enacted cognition*). Однако, как мы покажем в следующих разделах, речь идет скорее о практическом, а не о концептуальном сращении.

Все подходы, принимающие во внимание телесность когнитивного агента, его социальное и физическое окружение, принято объединять зонтич-

¹ В связи с многообразием принятых переводов английского слова “cognition” необходимо уточнить предметную область, к которой обращен настоящий анализ. “Embodied cognition” принято переводить и как «воплощенное сознание», и как «воплощенное познание». В виду этого невозможно терминологически разделить сознание, познание и мышление, сохранив в целостности рассматриваемое нами поле исследований. Само такое различие и его использование в науке требует отдельного рассмотрения. Для целей настоящей статьи — изучения концептуализации телесности в когнитивных исследованиях и нейроэтике — достаточно уточнить, что под познанием / сознанием всегда имеется в виду «когнитивное» как все, что может служить объектом изучения когнитивных наук.

² Данное состояние характеризуется параличом почти всех мышц тела, включая мимические и жевательные. При этом больной находится в сознании, бодрствует с открытыми глазами и способен моргать, фокусировать и переводить взгляд. Подробнее о синдроме запертого человека как об экзemplарной проблеме нейроэтики см.: Шевченко, 2019.

ным термином «ситуативное познание» (или позиционное познание — “situated cognition”). Вальтер не разрабатывает этот термин, он обращается к нему, уточняя структуру его внутреннего содержания, в которую входят все четыре начинающихся на английскую E термина. Концептуальные проблемы, связанные с использованием термина, как раз и коренятся в его зонтичном характере. В следующих абзацах мы укажем на эти проблемы параллельно с изложением вальтеровской таксономии подходов.

Итак, в исследования ситуативного познания, С. Вальтер включает подходы, ориентированные на воплощенное сознание (*embodied cognition*). Последние могут быть определены двумя способами, исходя из различия их главных тезисов или теоретических предпосылок:

«1. Когнитивные процессы частично зависят от телесных факторов — т. е. от событий, происходящих в границах тела, но за пределами черепной коробки.

2. Когнитивные процессы частично осуществляются в человеческом теле за пределами черепной коробки» (Walter, 2009: 63–64; здесь и далее пер. наш. — С. Ш.).

Расширяя первый тезис — принимая во внимание факторы, внешние и по отношению к телу — мы можем прийти к идее познания, встроенного в окружение “*embedded cognition*”. Вальтер определяет теоретический фундамент так: «*когнитивные процессы частично зависят от процессов, происходящих за пределами тела*» (Walter, 2009: 64).

Это направление обычно не противопоставляет себя компьютерной метафоре сознания, наоборот, оно часто используется при разработке роботизированных систем. Идея вписанности в окружение скорее противопоставляется «репрезентационалистскому» подходу — например, необходимости иметь в голове карту местности для ориентирования. Пропоненты познания, встроенного в среду, напротив, считают, что агент может обойтись без такой репрезентации, экспериментируя в каждой отдельной ситуации. Так, хорошие игроки в тетрис не вращают деталь в воображении, подбирая ей лучшую позицию, они делают это непосредственно в пространстве игры на экране, используя кнопки гаджета (Kirsh, Maglio, 1994). Возможности игрового пространства плюс сам гаджет становятся той средой, которая берет на себя когнитивные функции. В результате у агента отсутствует потребность в «мысленных репрезентациях» предметов, с которыми он взаимодействует.

Однако не все направления, чьи названия составляют 4E, выступают резко против репрезентационализма. Наиболее обобщенное представление о

распределении когнитивных функций было разработано Э. Кларком и Д. Чалмерсом в контексте аналитической философской традиции (Clark, Chalmers, 1998). Согласно их взглядам, задавшим мощный импульс развития и когнитивным наукам, и философии сознания, нельзя объяснить расширение сознания за пределы черепной коробки и тела, не апеллируя к ментальным репрезентациям.

Вальтер формулирует главный тезис расширенного сознания (*extended cognition*) следующим образом: «когнитивные процессы частично осуществляются процессами, происходящими за пределами тела» (Walter, 2009: 64).

Именно так можно понимать основной пример Кларка: делегирование функций кратковременной памяти записной книжке. По мнению критиков этой позиции, в ней не уделяется достаточно внимания процессу пользования записной книжкой — функция считается делегированной так, как будто речь идет об административном поручении. Невнимание Кларка к осуществлению познавательной агентности даже породило шутку:

Вопрос: «Почему карандаш считает, что $2+2=4$?»

Ответ Кларка: «Потому, что он соединен с математиком» (Adams, Aizawa, 2010: 67).

Т. е. с функционалистской точки зрения память владельца записной книжки, «осуществляемая» нейронными процессами в его голове, и память, «зафиксированная» в записной книжке, равны. Они как бы обладают одинаковым моральным статусом. Но такая позиция не учитывает моральную агентность владельца (как минимум превосходящую таковую у книги): записи в книжке созданы ее владельцем, они являются следами и следствиями нейронных процессов, происходящих в его голове (Heinrichs, 2017).

С. Вальтер выдвигает схожее возражение в адрес трех рассмотренных выше «расширительных подходов» (*extended, embedded, embodied cognition*). Он считает, что они уделяют слишком мало внимания осуществлению когнитивных процессов. И убеждения, и представления агента о мире ученый признает важными когнитивными феноменами, но все они являются следствиями осуществленной познавательной активности. Ментальная репрезентация кубического тела, вокруг которого ходит человек, осуществляется благодаря сенсомоторным навыкам агента, проявленным во время активного получения данных о мире (Noë, 2004; Walter, 2009: 65). Все другие «расширительные» подходы как бы не замечают автономных свойств агента — не в смысле его независимости от внешней среды, а в смысле того, что познание не осуществимо без его активности. Эти аспекты и составляют основу подхода, называемого «активное / осуществленное познание» (*enactive / enacted cognition*).

В качестве его прояснения Вальтер использует чужую формулировку: «*когнитивные процессы коренятся в смыслопорождающей активности автономных агентов — существ, которые производят и поддерживают сами себя и через это взаимодействуют с миром, привнося в него свои собственные ценности*» (Thompson, Stapleton, 2009: 29).

Нужно отметить, что Вальтер не склонен придавать какие-то трансцендентальные значения терминам «смыслопорождающая активность» (*sense-making activity*) и «ценность» (*value*), понимая их как часть создаваемого «существом» «окружающего мира» (*Umwelt*).

Главный тезис этого подхода Вальтер формулирует так: «*познание — процесс смыслопорождающих взаимоотношений между автономной системой и окружающей ее средой*» (Walter, 2009: 65).

ОТ «ВОПЛОЩЕННОГО СОЗНАНИЯ» К «ТЕЛЕСНОЙ» НЕЙРОНАУКЕ

Во вступительной статье к специальному выпуску журнала «Феноменология и когнитивные науки» (“Phenomenology and the Cognitive Sciences”), посвященному 4Е-подходам, австралийский философ Р. Менари картографирует разногласия как внутри 4Е, так и в отношении перспектив развития самой совокупности этих подходов (Menary, 2010). Основные конфликты, по его мнению, разворачиваются между Э. Кларком и его продолжателями, с одной стороны, и более эмпирически и феноменологически ориентированными когнитивистами и философами, к которым он относит и себя. Согласно Менари, Кларк и его сторонники — функционалисты, пытающиеся вписать в свои представления репрезентационализм. Они избегают биологических подробностей и ориентированы на «народные» понятия о мышлении и сознании. Ряд других исследователей (среди них Адамс и Аизава, Томпсон и Стэйплтон, чьи работы цитировались в предыдущем разделе), наоборот, тяготеют к энактивизму, не считают «ментальные репрезентации» исходным концептом наук о сознании. Они извлекают свои понятия из результатов экспериментальных исследований, имеющих самый разный уровень «укорененности» в биологическом (Menary, 2010: 459–460).

Но наиболее значимой для нашего рассмотрения является разница в подходах к телесности познающего агента. Представители феноменологической линии видят в человеческом теле «условие возможности» (не в трансцендентальном смысле) социального познания и источник «преноэтического сознания» (Gallagher, 2005). С другой стороны, сам Кларк рассматривает воплощенное и невоплощенное сознание и познания как функционально аналогичные. Он считает важным, что агенты могут обладать разным телесным устройством

(разным устройством органов чувств и т. д.), но при этом приходят к сходным результатам познания (Clark, 2008: 204–206).

Итак, в когнитивных исследованиях можно наметить следующее различие: *функционалистский подход не предполагает какую-либо концептуализацию тела при описании когнитивных процессов. В то же время феноменологически ориентированные исследователи говорят о том, что телесность задает форму протекания когнитивных процессов.*

Это различия и обозначенные Менари разногласия приобретают совсем иное звучание в контексте попыток представителей нейронаук повторить поворот к телесности, охвативший значительную часть когнитивных исследований в последние полтора десятилетия. Одна из программ такого поворота нейронаук к телесности предполагает исследовать состояние организма как фактор, определяющий связь эмоций и познания (Kiverstein, Miller, 2015).

Но вполне закономерен вопрос: как в таком случае нейронауки могут концептуализировать тело? Если это по-прежнему фактор, определяющий когнитивные процессы, тогда речь идет просто о проведении неврологических экспериментов для ответов на вопросы о «воплощенном познании». Польский философ П. Новаковски в рамках осуществления поворота к телесности в нейронауках предлагает изучать функции, которые выполняет тело без нейронов (*non-neuronal body parts*) в осуществлении нейронных процессов (Nowakowski, 2015). Всего им кратко предложено рассматривать три таких роли: дистрибьютора (тело берет на себя те функции, которые могут выполняться в рамках нейронных процессов), контролера (тело усиливает или замедляет определенные нейронные процессы) и ограничителя (тело прекращает некоторые процессы или не дает им начаться).

В схеме, предложенной Новаковски, тело может быть вписано в дескриптивные нейронные модели. Но что случится, если мы перейдем, собственно, от нейронаук к нейроэтике, т. е. добавим нормативный компонент в эти модели? Т. е. какое этическое содержание могут нести усвоенные нейронаукой 4E-подходы — все вместе или по отдельности — скажем, для разработчиков интерфейсов мозг-компьютер?

Выскажем гипотезу, которая может быть лишь частично прояснена и проверена в рамках настоящей статьи: *в функционалистских описаниях нет тела, но в инжиниринге есть и тело, и функции его частей. В феноменологических описаниях есть тело, но тело часто отсутствует в опыте пользования нейротехнологией — опыте, который служит основанием ее этической оценки.*

*УНИВЕРСАЛЬНОЕ, РАСШИРЕННОЕ И
ОТСУТСТВУЮЩЕЕ ТЕЛО В НЕЙРОЭТИКЕ*

Отвечая на вопрос «О каком именно теле идет речь в сформулированной выше гипотезе?», мы одновременно можем понять и то, как тело концептуально появляется и исчезает в нейроэтике. Рассмотренные выше различия между программами «воплощенного сознания» и «сознания, вписанного в среду», показывают, что в рамках 4E-подходов речь идет о расширении предмета исследования за пределы когнитивных процессов и осуществляющих их нейронов. Но там, «за пределами», находятся и тело, и окружающая среда. В рамках программы «воплощенного сознания» тело может быть слито с окружающей средой в том смысле, что факторы, влияющие на биологические процессы в теле, могут быть признаны телесными. Т. е. тело само становится расширенным, и четкий предел такому расширению положить сложно. Метафора верха и низа (для обозначения «хорошего» и «плохого»), когнитивная роль этих метафор, рассматривается в этой парадигме с опорой на общее устройство человеческого тела (Lakoff, Johnston, 1999). Тело является «источником» семантики, но источником столь всеобщим, что оно растворяется в выразительных средствах всех естественных языков. В этой связи мы имеем дело с *универсальным телом*.

Если же говорить о теле в нейроэтике в ключе другого подхода (*enacted cognition*), то, учитывая его функцию дистрибьютора, когнитивные задачи могут быть распределены как угодно далеко. Образ города для слабовидящего может быть актуализирован благодаря аудионавигатору, взаимодействующему с облачным хранилищем данных (Stainer, 2015). И тогда сервер, на котором хранятся эти данные, может быть включен и в телесную конституцию пользователя — включен в рамках концепции «расширенного сознания». Но тогда и *тело агента «расширяется»* и делается потенциально бесконечным.

В контексте «познания, вписанного в среду», тело существует как инструмент и / или медиум для взаимодействия со средой. Пока оно «правильно функционирует» — его можно концептуально исключить. Вращения деталей при игре в тетрис осуществляют пальцы, нажимающие на кнопку (см. пример анализа программы *embedded cognition* (Kirsh, Maglio, 1994). Для такого вращения нужно обладать достаточным зрением и возможностью концентрировать взгляд на экране гаджета, на котором запущена игра. Но здесь тело — просто то, что вписывается в окружающую среду. И, чем меньше его «собственная агентность», тем лучше. Фактически в исследовании игры в тетрис мы имеем дело с *отсутствующим телом*.

И в схеме, предложенной Новаковски, и в примерах с тетрисом и аудионавигатором, тело предстает как функционирующее, а не просто живущее и чувствующее. Однако в случае с аудионавигатором «бесконечное тело» —

концептуально значимый элемент социотехнического проекта, а в случае с тетрисом — просто инструмент.

Противопоставляя модусы «бытия телом» и «обладания телом», российский философ О. В. Попова выделяет и еще одну модель концептуализации телесности: конструктивистскую (Попова, 2014). В последнем смысле тело предстает либо полем проектной работы (локализацией практик заботы о себе), либо частью некоторого более крупного проекта (огрубляя: совокупностью разъемов, к которым крепятся технологии). При этом бытие телом можно понимать как ориентированное на феноменальный опыт телесности, опыт живого тела (*living body*), а обладание телом как инструменталистскую концептуализацию телесности. О. В. Попова относит к этой модели и функционалистское понимание тела, однако в рамках нашего рассмотрения 4E-подходов необходимо их различить. Любой проект нейротехнологий нуждается в эксплицитном выражении телесных функций. Если представить инжиниринг нейроинтерфейса как уравнение, тело всегда функционально присутствует в нем как коэффициент, константа или переменная. Соответственно и при этической оценке этих технологий может быть подвергнута анализу роль тела и телесных функций в этом уравнении.

С учетом введенных понятий минимального тела и расширенного тела переформулируем нашу гипотезу, соотнеся ее с отдельными 4E-подходами.

В функционалистских описаниях (extended cognition) мы имеем дело с отсутствующим телом, но в инжиниринге (enacted cognition) — с расширенным телом. В феноменологических описаниях (embodied cognition) есть универсальное тело, но иногда и живое тело, при этом в успешный опыт существования в среде нейротехнологий (embedded cognition), как правило, вписано отсутствующее тело.

Как успешно действующий инструмент и как медиум, передающий сигналы почти без искажений, тело отсутствует. Универсальное тело как источник общепонятной семантики также концептуально выхолощено. Но живое тело и расширенное тело как условие осуществления социотехнических проектов могут быть в большей степени нагружены содержанием. Адекватность этой довольно грубой схемы подходов не может быть полноценно проверена в рамках настоящей статьи, как и говорилось выше, но схема может быть соотнесена с реальными примерами реализации нейроэтических программ.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАГМАТИСТСКАЯ НЕЙРОЭТИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ

В заключительной секции мы рассмотрим два нейроэтических проектных подхода к разработке и оценке нейроинтерфейсов, предназначенных для коммуникации с пациентами, у которых диагностирован синдром запертого

человека (о роли этого состояния в развитии нейроэтики упомянуто в начале статьи). Феноменологический и прагматический углы зрения на эту проблему не противоречат друг другу, но предполагают разнообразную расстановку акцентов и разное отношение к совокупности методов 4Е. Феноменологическая и прагматистская программы отличаются и от вписанного в критическую теорию взгляда на телесность познающего агента.

Феноменологическая программа может не ограничиваться ориентацией на дескрипцию опыта живого тела. Она может в явном виде предполагать энактивистский подход (*enacted cognition*) к разработке нейротехнологий. Используя его, исследовательница М. Кисело пытается продемонстрировать, что автономия познающего в концептуальном смысле социально конституирована (Kyseló, 2020). Т. е., для того чтобы быть автономным, недостаточно просто появиться на свет отдельным биологическим организмом — необходимо еще и существовать в условиях относительно стабильного различения себя и других. Живое человеческое тело может осуществить свою агентность только если такое разграничение уже есть. При этом Кисело сближает существование такого разграничения — социальное конституирование автономии — и открытость внешнему миру, необходимую для познания. Через это сближение она показывает разницу между двумя 4Е-подходами: сознанием, вписанным в среду (*embedded cognition*), и активным сознанием (*enacted cognition*), предпочитая второе. Эта разница заключается в асимметрии взаимодействия между средой и воплощенным познающим агентом: последний не просто вписан в среду, он изменяет конфигурацию этой «вписанности», в чем и проявляется его агентность.

Мы видим, что акцент на конституировании телесности позволяет перейти от дескрипций телесного опыта и опыта существования в социотехнической среде к проблематике автономного действия (*enacted cognition*). Конституирование при этом не тождественно ни распределению функций, ни конструированию. Социотехническая среда не создает, не изменяет и не «колонирует» тело — она дает возможность биологическому телу осуществиться как живому телу, обладающему уникальным феноменальным опытом и определенной автономией.

Такой подход может показаться схожим с исследованиями социального конструирования тела в рамках критического подхода (например, феминистской нейроэтики). Однако в этом контексте биологическое тело рассматривается как изначальное, существующее до и вне форм социального влияния на него (Walsh, Einstein, 2020). Социальные воздействия — например, образы гендерных различий — смешиваются с биологическими и эмоциональными факторами на «территории» тела. В таком случае нейроэтическая задача состоит не в том, чтобы помочь телу осуществиться как живому, а в том, чтобы

социальное конструирование предполагало большую свободу для собственно биологического тела. Универсальное тело, обеспечивающее семантику естественных языков, просто разделяется на подтипы: возникает не просто «мужское и женское», но и «другое мужское», и «другое женское». Т. е. признается, что воплощенное сознание (*embodied cognition*) может быть воплощено по-разному. Однако эти разные воплощения просто сосуществуют в концептуальной схеме, предлагаемой критическим подходом.

Прагматистская рамка позволяет видеть в социотехническом воздействии не вторжение, а инженерную задачу, связанную с функционированием нейронных систем. Эта задача ставится в гуманитарной плоскости, и ее исполнение требует гуманитарного сопровождения. Разрабатывая нейроинтерфейсы для помощи пациентам с синдромом «запертого человека», можно игнорировать различия между 4Е-подходами, если они практически совместимы (Hibbert, 2016). А в нейроисследованиях, ставящих целью изучить функцию отдельного участка мозга, проблема телесности вообще может быть отброшена. При этом в этике нейротехнологий оценка интерфейса может быть дана самим агентом, знающим, насколько удалось осуществиться его когнитивной агентности. Т. е. и прагматистская программа приходит к энактивистскому взгляду на сознание и тело.

Таким образом, прагматистская и феноменологическая программы, ставящие перед собой проблему гуманитарного сопровождения разработки нейротехнологий, могут быть в целом сходными. Это сходство заключается в понимании телесности, внешней физической и социальной среды как факторов осуществления когнитивной агентности. При этом отношения тела и среды мыслятся как ассиметричные, так как воплощенный агент определяет форму таких отношений. Оба эти подхода отличаются от социального конструктивизма, который рассматривает тело как пустую территорию вторжения.

В связи с этим можно предложить для дальнейшего обсуждения следующую формулировку.

Феноменологические и функционалистские подходы к оценке нейротехнологий рассматривают тело как расширяемое (с позиций enacted cognition). Критика социального конструирования тела и его когнитивных ролей (с позиций embodied cognition) отталкивается от разделений, вносимых в концепт универсального тела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Попова, О. В. (2014) «Быть телом» или «иметь тело», «быть проектом» или «иметь проект» // Человек и культура. 2014. № 1. С. 58–76. DOI: [10.7256/2306-1618.2014.1.10961](https://doi.org/10.7256/2306-1618.2014.1.10961)

Шевченко, С. Ю. (2019) Письма «запертого человека» — риторика и феноменологические перспективы нейроэтических проектов [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. № 5. С. 89–103. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1104> (дата обращения: 15.07.2020). DOI: [10.17805/ggz.2019.5.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.5.5)

Adams, F., Aizawa, K. (2010) *Defending the bounds of cognition* // *The extended mind* / ed. by R. Menary. Cambridge, MA ; L. : The MIT Press. viii, 382 p. P. 67–80. DOI: [10.7551/mitpress/9780262014038.003.0004](https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262014038.003.0004)

Anderson, M. L. (2003) *Embodied cognition: A field guide* // *Artificial Intelligence*. Vol. 149. Issue 1. P. 91–130. DOI: [10.1016/S0004-3702\(03\)00054-7](https://doi.org/10.1016/S0004-3702(03)00054-7)

Clark, A. (2008) *Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension*. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press. xxix, 286 p.

Clark, A., Chalmers, D. J. (1998) *The extended mind* // *Analysis*. Vol. 58. Issue 1. P. 7–19. DOI: [10.1093/analys/58.1.7](https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7)

Fenton, A., Alpert, S. (2008) *Extending our view on using BCIs for locked-in syndrome* // *Neuroethics*. Vol. 1. Issue 2. P. 119–132. DOI: [10.1007/s12152-008-9014-8](https://doi.org/10.1007/s12152-008-9014-8)

Gallagher, S. (2005) *How the body shapes the mind*. Oxford : Oxford University Press. 294 p.

Heinrichs, J.-H. (2017) *Against strong ethical parity: Situated cognition theses and transcranial brain stimulation* // *Frontiers in Human Neuroscience*. No. 11. P. 171. DOI: [10.3389/fnhum.2017.00171](https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00171)

Hibbert, R. (2016) *LIS and BCIs: A local, pluralist, and pragmatist approach to 4E cognition* // *Neuroethics*. Vol. 9. Issue 2. P. 187–198. DOI: [10.1007/s12152-016-9267-6](https://doi.org/10.1007/s12152-016-9267-6)

Kirsh, D., Maglio, P. (1994) *On distinguishing epistemic from pragmatic action* // *Cognitive Science*. Vol. 18. Issue 4. P. 513–549. DOI: [10.1207/s15516709cog1804_1](https://doi.org/10.1207/s15516709cog1804_1)

Kiverstein, J., Miller, M. (2015) *The embodied brain: Towards a radical embodied cognitive neuroscience* // *Frontiers in Human Neuroscience*. No. 9. P. 237. DOI: [10.3389/fnhum.2015.00237](https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00237)

Kyselo, M. (2020) *More than our body: Minimal and enactive selfhood in global paralysis* // *Neuroethics*. Vol. 13. Issue 2. P. 203–220. DOI: [10.1007/s12152-019-09404-9](https://doi.org/10.1007/s12152-019-09404-9)

Lakoff, G., Johnston, M. (1999) *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. N. Y. : Basic Books. xiv, 624 p.

Menary, R. (2010) *Introduction to the special issue on 4E cognition* // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. Vol. 9. Issue 4. P. 459–463. DOI: [10.1007/s11097-010-9187-6](https://doi.org/10.1007/s11097-010-9187-6)

Noë, A. (2004) *Action in perception*. Cambridge, MA ; L. : The MIT Press. viii, 277 p.

Nowakowski, P. R. (2015) Commentary: The embodied brain: Towards a radical embodied cognitive neuroscience // *Frontiers in Human Neuroscience*. No. 9. P. 623. DOI: [10.3389/fnhum.2015.00623](https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00623)

Stainer, K. (2015) *Cities unlocked: A voyage of discovery* [Электронный ресурс] // Microsoft News Centre UK. 25 ноября. URL: <https://news.microsoft.com/en-gb/2015/11/25/cities-unlocked-a-voyage-of-discovery/> [архивировано в [WaybackMachine](https://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 15.08.2020).

Thompson, E., Stapleton, M. (2009) Making sense of sense-making: reflections on enactive and extended mind theories // *Topoi*. Vol. 28. Issue 1. P. 23–30. DOI: [10.1007/s11245-008-9043-2](https://doi.org/10.1007/s11245-008-9043-2)

Varela, F. J., Thompson, E., Rosch, E. (1991) *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA ; L. : The MIT Press. xx, 308 p.

Walsh, R., Einstein, G. (2020) Transgender embodiment: A feminist, situated neuroscience perspective // *INSEP — Journal of the International Network for Sexual Ethics & Politics*. Vol. 8. Special Issue. P. 56–70. DOI: [10.3224/insep.si2020.04](https://doi.org/10.3224/insep.si2020.04)

Walter, S. (2009) Locked-in syndrome, BCI, and a confusion about embodied, embedded, extended, and enacted cognition // *Neuroethics*. Vol. 3. Issue 1. P. 61–72. DOI: [10.1007/s12152-009-9050-z](https://doi.org/10.1007/s12152-009-9050-z)

Wilson, R. A. (1994) Wide computationalism // *Mind*. Vol. 103. Issue 411. P. 351–372. DOI: [10.1093/mind/103.411.351](https://doi.org/10.1093/mind/103.411.351)

Дата поступления: 16.08.2020 г.

REFERENCES

Popova, O. V. (2014) «Byt' telom» ili «imet' telo», «byt' proektom» ili «imet' proekt» [“To be a body” or “to have a body”, “to be a project” or “to have a project”]. *Chelovek i kul'tura*, no. 1, pp. 58–76. (In Russ.). DOI: [10.7256/2306-1618.2014.1.10961](https://doi.org/10.7256/2306-1618.2014.1.10961)

Shevchenko, S. Yu. (2019) Pis'ma «zapertogo cheloveka» — ritorika i fenomenologicheskie perspektivy neuroeticheskikh proektov [Letters of a ‘locked-in person’ — Rhetoric and phenomenological perspectives of neuroethical projects]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, no. 5, pp. 89–103. [online] Available at: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1104> (accessed 15.08.2020). (In Russ.). DOI: [10.17805/ggz.2019.5.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.5.5)

Adams, F. and Aizawa, K. (2010) Defending the bounds of cognition. In: *The extended mind* / ed. by R. Menary. Cambridge, MA ; London : The MIT Press. viii, 382 p. Pp. 67–80. DOI: [10.7551/mitpress/9780262014038.003.0004](https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262014038.003.0004)

Anderson, M. L. (2003) Embodied cognition: A field guide. *Artificial Intelligence*, vol. 149, issue 1, pp. 91–130. DOI: [10.1016/S0004-3702\(03\)00054-7](https://doi.org/10.1016/S0004-3702(03)00054-7)

Clark, A. (2008) *Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension*. Oxford ; New York : Oxford University Press. xxix, 286 p.

Clark, A. and Chalmers, D. J. (1998) The extended mind. *Analysis*, vol. 58, issue 1, pp. 7–19. DOI: [10.1093/analys/58.1.7](https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7)

Fenton, A. and Alpert, S. (2008) Extending our view on using BCIs for locked-in syndrome. *Neuroethics*, vol. 1, issue 2, pp. 119–132. DOI: [10.1007/s12152-008-9014-8](https://doi.org/10.1007/s12152-008-9014-8)

Gallagher, S. (2005) *How the body shapes the mind*. Oxford : Oxford University Press. 294 p.

Heinrichs, J.-H. (2017) Against strong ethical parity: Situated cognition theses and transcranial brain stimulation. *Frontiers in Human Neuroscience*, no. 11, p. 171. DOI: [10.3389/fnhum.2017.00171](https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00171)

Hibbert, R. (2016) LIS and BCIs: A local, pluralist, and pragmatist approach to 4E cognition. *Neuroethics*, vol. 9, issue 2, pp. 187–198. DOI: [10.1007/s12152-016-9267-6](https://doi.org/10.1007/s12152-016-9267-6)

Kirsh, D. and Maglio, P. (1994) On distinguishing epistemic from pragmatic action. *Cognitive Science*, vol. 18, issue 4, pp. 513–549. DOI: [10.1207/s15516709cog1804_1](https://doi.org/10.1207/s15516709cog1804_1)

Kiverstein, J. and Miller, M. (2015) The embodied brain: Towards a radical embodied cognitive neuroscience. *Frontiers in Human Neuroscience*, no. 9, p. 237. DOI: [10.3389/fnhum.2015.00237](https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00237)

Kyselo, M. (2020) More than our body: Minimal and enactive selfhood in global paralysis. *Neuroethics*, vol. 13, issue 2, pp. 203–220. DOI: [10.1007/s12152-019-09404-9](https://doi.org/10.1007/s12152-019-09404-9)

Lakoff, G. and Johnston, M. (1999) *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. New York. : Basic Books. xiv, 624 p.

Menary, R. (2010) Introduction to the special issue on 4E cognition. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, vol. 9, issue 4, pp. 459–463. DOI: [10.1007/s11097-010-9187-6](https://doi.org/10.1007/s11097-010-9187-6)

Noë, A. (2004) *Action in perception*. Cambridge, MA ; London : The MIT Press. viii, 277 p.

Nowakowski, P. R. (2015) Commentary: The embodied brain: Towards a radical embodied cognitive neuroscience. *Frontiers in Human Neuroscience*, no. 9, p. 623. DOI: [10.3389/fnhum.2015.00623](https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00623)

Stainer, K. (2015) Cities unlocked: A voyage of discovery. *Microsoft News Centre UK*, November 25. [online] Available at: <https://news.microsoft.com/en-gb/2015/11/25/cities-unlocked-a-voyage-of-discovery/> [archived in [WaybackMachine](https://www.waybackmachine.org/)] (accessed 15.08.2020).

Thompson, E. and Stapleton, M. (2009) Making sense of sense-making: reflections on enactive and extended mind theories. *Topoi*, vol. 28, issue 1, pp. 23–30. DOI: [10.1007/s11245-008-9043-2](https://doi.org/10.1007/s11245-008-9043-2)

Varela, F. J., Thompson, E. and Rosch, E. (1991) *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA ; London : The MIT Press. xx, 308 p.

Walsh, R. and Einstein, G. (2020) Transgender embodiment: A feminist, situated neuroscience perspective. *INSEP — Journal of the International Network for Sexual Ethics & Politics*, vol. 8, special issue, pp. 56–70. DOI: [10.3224/insep.si2020.04](https://doi.org/10.3224/insep.si2020.04)

Walter, S. (2009) Locked-in syndrome, BCI, and a confusion about embodied, embedded, extended, and enacted cognition. *Neuroethics*, vol. 3, issue 1, pp. 61–72. DOI: [10.1007/s12152-009-9050-z](https://doi.org/10.1007/s12152-009-9050-z)

Wilson, R. A. (1994) Wide computationalism. *Mind*, vol. 103, issue 411, pp. 351–372. DOI: [10.1093/mind/103.411.351](https://doi.org/10.1093/mind/103.411.351)

Submission date: 16.08.2020.

Шевченко Сергей Юрьевич — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук; доцент кафедры биоэтики Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-90-67. Эл. адрес: simurg87@list.ru

Shevchenko Sergei Yurievich, Candidate of Philosophy, Researcher, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Assistant Professor, Department of Bioethics, Pirogov Russian National Research Medical University. Postal address: Bldg. 1, 12 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-90-67. E-mail: simurg87@list.ru

ORCID: [0000-0002-7935-3444](https://orcid.org/0000-0002-7935-3444)

Researcher ID: [F-5320-2018](https://orcid.org/F-5320-2018)

Scopus Author ID: 57192993265

SPIN-код РИНЦ: [2783-6006](https://elibrary.ru/2783-6006)

Для цитирования:

Шевченко С. Ю. Расширенное, отсутствующее, универсальное тело и две программы нейроэтики [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 4. С. 19–34. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1303> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2020.4.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.4.2)